
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ИННОВАЦИИ,
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И РОСТ

ИНКЛЮЗИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В.А. Воробьев, Т.Л. Майборода*

Аннотация. Представлен вклад Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона в раскрытие фундаментальной роли разных типов политических и экономических институтов в объяснении больших и относительно устойчивых различий в уровнях экономического развития между странами. Сочетая эмпирические, квазиэкспериментальные и игровые подходы, лауреаты показали, какие политические силы, стимулы и механизмы определили процветание одних стран и бедность других. Их теоретические исследования раскрыли сложность реформирования экстрактивных институтов и процессы, которые могут этому способствовать.

Ключевые слова: политические институты, экономические институты, экстрактивные институты, инклюзивные институты, историческая устойчивость, институциональная устойчивость, институциональные реформы.

JEL-классификация: B00, B52, D02, D72, N01, O10, P14.

DOI: 10.46782/1818-4510-2025-1-31-52

Материал поступил 16.11.2024 г.

В современном мире сохраняются существенные межстрановые различия в благосостоянии. В «Докладе о неравенстве в мире – 2022» отмечается, что беднейшие 50% мирового населения владеют лишь 8,5% суммарного мирового дохода (рассчитанного по паритету покупательной способности 2017 г.), в то время как самые богатые 10% людей планеты получают 52% этого дохода. Имущественное неравенство выражено еще сильнее, чем неравенство в доходах. Беднейшие 50% мирового населения владеют ничтожной долей общих активов – всего лишь 2%. И наоборот, богатейшие 10% людей Земли являются собственниками 76% всех активов. При этом страна, в которой человек родился, является определяющим фактором того, какое место он займет в глобальном распределении доходов – неравенство между странами обуславливает две трети неравенства доходов между людьми.

Глобальное неравенство сегодня характеризуется 40-кратным разрывом между средними доходами богатейших 10% стран и средними доходами беднейших 50% стран мира¹.

Большие и относительно устойчивые различия в доходах между странами² несовместимы с базовой неоклассической моделью экономического роста Р. Солоу, которая пред-

¹ URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2023/03/D_FINAL_WIL_RIM_RAPPORT_2303.pdf

² Еще в 1750 г. показатели уровня и качества жизни были сопоставимы в Европе и Восточной Азии. Межстрановые различия в доходах стали увеличиваться с конца XVIII в., в ходе так называемого «Великого расхождения», когда в Северо-Западной Европе начался устойчивый экономический рост (Pomeranz, 2021). Хотя наблюдается историческая устойчивость в межстрановых различиях в доходах, есть и важные исключения. В частности, территории, которые сегодня являются Канадой, Соединенными Штатами, Австралией и Новой Зеландией, в 1600 г. были беднейшими в мире. Их переход к экономическому процветанию начался в XIX в. (Nunn, 2020).

* **Воробьев Виктор Анатольевич** (vorobiev_v@bseu.by), доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь). <https://orcid.org/0000-0001-8285-7304>;

Майборода Татьяна Леонидовна (mtv_1@tut.by), кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Беларусь); <https://orcid.org/0000-0002-9589-8620>

сказывает быструю конвергенцию³ (сближение богатых и бедных стран по уровню дохода на душу населения). По мнению Д. Норта, проблема в том, что рост населения, размеры инвестиций, величина человеческого капитала, инновации являются только непосредственными источниками экономического роста («они и есть экономический рост»). Объяснение межстрановых отличий в темпах роста нужно искать в различиях институтов – созданных человеком ограничений («правил игры»), как формальных, так и неформальных, которые управляют индивидуальным поведением и структурируют взаимодействия (институциональные рамки) в политической и экономической сферах (North, Thomas, 1973), «структурируют стимулы в человеческом обмене, будь то политическом, социальном или экономическом» (Норт, 1993; 1997).

Роль институтов как фундаментально-го фактора процветания раскрыта во множестве теоретических и эмпирических исследований. Но если это так, то почему бы развивающимся странам просто не скопировать то, что сделали развитые страны, и не догнать их со временем? В 2024 г. Нобелевский комитет присудил премию Шведского государственного банка памяти Альфреда Нобеля в области экономических наук трем ученым – Д. Асемоглу, С. Джонсону и Дж. Робинсону⁴, – научные работы которых помогли ответить на этот вопрос.

³ Исследование У. Баумоля показывает, что если рассматривать большие группы стран, то бедные страны растут не быстрее богатых, разрыв в уровне доходов на душу населения не сокращается (Baumol, 1986).

⁴ Дарон Асемоглу (Аджемоглу) (родился в Стамбуле в 1967 г.) – турецко-американский экономист. Получил степени бакалавра по экономике в 1989 г. в Йоркском университете (Великобритания), магистра по эконометрике и математической экономике (1990 г.) и доктора экономики (1992 г.) в Лондонской школе экономики. С 1993 г. преподает в Массачусетском технологическом институте. Член Американской академии искусств и наук, Национальной академии наук, Эконометрического общества, Европейской экономической ассоциации. Награжден медалью Дж. Б. Кларка (2005 г.), премией BBVA Foundation Frontiers of Knowledge Award (2016 г.). URL: <https://economics.mit.edu/people/faculty/daron-acemoglu>

В рейтинге RePEc/IDEAS находится в топ-5 исследователей в области экономики (за последние 10 лет – на первом месте), что свидетельствует о значительном вкладе в экономическую науку и высокой востребованности опубликованных им работ. URL: <https://ideas.repec.org/top/top.person.all.html>

Саймон Джонсон (родился в 1963 г. в Шеффилде, Англия) – британо-американский экономист. Получил степени бакалавра экономики и политики в Оксфордском

Центральный принцип их исследования заключается в том, что богатство стран в основе своей определяется политическими институтами, которые влияют на экономические институты, а последние воздействуют на экономические стимулы и результаты. Это позволило лауреатам решить, во-первых, методологически и эмпирически сложную задачу установления причинно-следственной связи между институтами и процветанием; во-вторых, значительно продвинуться в понимании того, когда и почему меняются политические институты⁵.

Институты и процветание

Иерархия институтов. Асемоглу, Джонсон и Робинсон, как и Норт, придерживаются широкого взгляда на институты. Это не только формальные правила, но и интерпретация этих правил на практике, и эффективность правительства в их обеспечении. Институты имеют эндогенный характер (изменяются под воздействием стимулов) и являются результатом общественного выбора. Этот выбор зависит от политической власти групп, имеющих различные предпочтения. Распределение политической власти в обществе также эндогенно. Компонентами политической власти являются политическая власть *de jure* (институциональная власть) и политическая власть *de facto*. Власть *de jure* обусловлена политическими институтами – совокупностью правил и норм, которые определяют сти-

университете (1984 г.), магистра в Манчестерском университете (1986 г.) и доктора экономики в Массачусетском технологическом институте (1989 г.). Преподавал в Школе бизнеса Фукуа при Университете Дьюка (1991–1997 гг.). С 2004 г. работает в Школе менеджмента Слоуна Массачусетского технологического института. URL: <https://mitsloan.mit.edu/faculty/directory/simon-johnson>

Джеймс Алан Робинсон (родился в 1960 г.) – британо-американский экономист и политолог. Получил степени бакалавра экономики в Лондонской школе экономики и политических наук (1982 г.), магистра гуманитарных наук в Университете Уорика (1986 г.) и доктора философии по экономической теории и трудовым отношениям в Йельском университете (1993 г.). Преподавал в Мельбурнском (1992–1995 гг.), Южно-Калифорнийском (1995–1999 гг.), Калифорнийском в Беркли (1999–2004 гг.), Гарвардском (2004–2015 гг.) университетах, с 2015 г. – профессор Чикагского университета. Член Американской академии искусств и наук, Эконометрического общества. URL: <https://harris.uchicago.edu/directory/james-robinson>

⁵ Здесь и далее используется: *Scientific Background to the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2024*. URL: <https://www.nobelprize.org/uploads/2024/10/advanced-economicsciencesprize2024.pdf>

мулы и ограничения групп и индивидов в политической сфере⁶ (систему стимулов для политических игроков), методы агрегирования предпочтений различных членов общества. Но объем политической власти зависит не только от политических институтов. Власть *de facto* опирается на экономические ресурсы, находящиеся в собственности групп индивидов, и обуславливается их способностью решать проблему организации коллективных действий и использовать существующие политические институты в своих целях. Политические институты изменяются медленно и определяют экономические институты, от которых зависят результаты функционирования экономики⁷. Существует и обратная связь между институтами (Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2006).

Асемоглу и его соавторы выделяют инклюзивные («хорошие») и экстрактивные («плохие») институты. Инклюзивные институты обеспечивают соблюдение прав собственности, верховенство закона, создают стимулы для широких слоев населения принимать участие в экономической деятельности, инвестировать в физический и человеческий капитал, внедрять инновации. Термин «экстрактивные институты» описывает институты, при которых верховенство закона и права собственности отсутствуют для большинства населения. Экстрактивные институты обеспечивают обогащение немногих за счет большинства. Экспроприация собственности значительно снижает стимулы к инвестированию в экономику, что отрицательно влияет на темпы экономического роста (Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2001; Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2006; Аджемоглу, Робинсон, 2015).

⁶ Под политическими институтами понимаются формы правления и типы политического режима, масштаб ограничений, налагаемых на политиков (Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2006). Они определяют «возможности различных групп граждан ставить общие цели и добиваться их, а с другой стороны – ограничивать другие группы граждан в достижении их целей» (Аджемоглу, Робинсон, 2015).

⁷ Экономические институты включают в себя защиту прав собственности для граждан и бизнеса, возможности индивидов и фирм заключать контракты, облегчающие проведение экономических трансакций (контрактные институты), барьеры, препятствующие индивидам осуществлять инвестиции в человеческий капитал. Институты создают рамки, в которых в результате политической конкуренции принимаются решения о мерах и инструментах экономической политики (Асемоглу, 20186).

Возникновение в обществе инклюзивных или экстрактивных экономических институтов определено существующими политическими институтами. Во-первых, если политические институты защищают права собственности широкого круга людей, устанавливают ограничения для тех, кто обладает политической властью (обеспечивают высокую степень эффективности рынков), и создают баланс власти в обществе, то это будет способствовать возникновению хороших экономических институтов. Во-вторых, если политическая власть находится в руках относительно широкой группы населения со значительными активами и инвестиционными возможностями, это приведет к возникновению хороших экономических институтов – носители власти сами заинтересованы в защите прав собственности. В-третьих, чем меньше размер политической ренты, которую получают носители власти, тем выше вероятность возникновения хороших экономических институтов (Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2006). В то же время экстрактивные институты, несмотря на их неблагоприятное воздействие на совокупные экономические показатели, могут стать равновесными институтами, поскольку они увеличивают и сохраняют ренту, получаемую группами, обладающими политической властью (Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2001).

Вопрос о том, почему некоторые общества значительно беднее других, тесно связан с вопросом, почему некоторые общества имеют намного худшие экономические институты, чем другие.

Традиционные подходы к долгосрочным межстрановым сравнениям. Литература о причинах межстрановых различий в благосостоянии обширна. Внимание многих ученых привлекали такие возможные объясняющие факторы, как физическая и географическая среда (например, различия в климате и экологии, которые определяют предпочтения и набор возможностей отдельных экономических агентов в разных обществах), культура или случайные шоки.

Механизмы влияния географических условий на благосостояние стали объектом многих исследований. Во-первых, кли-

мат является важным фактором, определяющим трудовые усилия, стимулы и производительность. Эта идея восходит к французскому философу Монтескье, который писал в книге «О духе законов», что «холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным»⁸. А. Маршалл также подчеркивал, что климат благоприятствует проявлению человеческой энергии, определяет характер деятельности нации и влияет на ее социальные и политические институты⁹.

Во-вторых, географический фактор может определять технологии, доступные обществу, особенно в сельском хозяйстве. Так, Дж. Сакс утверждал, что технологии в регионах с умеренным климатом были более производительными по сравнению с технологиями тропической зоны (Sachs, 2001). Дж.М. Даймонд считал, что непосредственными факторами, обусловившими покорение Европой Америки, были различия в технологиях (гражданских и военных), которые в конечном итоге определялись географическими различиями между Европой и Америкой¹⁰.

В-третьих, бедность во многих регионах мира часто связывают с «бременем болезней». Д. Блум и Дж. Сакс утверждают, что распространенность малярии, которая ежегодно убивает от одного до двух миллионов африканцев, снижает ежегодные темпы роста экономик стран Африки к югу от Сахары примерно на 1% в год. Они обращают внимание на важность интенсивного и систематического изучения сложного взаимодействия между географией, демографией, здравоохранением и экономическими показателями (Bloom, Sachs, 1998).

Недавнее исследование М. Алсан было направлено на понимание относительной неразвитости африканского континента через изучение эколого-климатических условий (температуры, влажности и экологи-

ческих условий), которые благоприятствовали мухе цеце – переносчику трипаносом, вызывающих болезни у людей и домашних животных. Исследование показало, что пригодность климата для мухи цеце имела большое влияние на доиндустриальное политическое и экономическое развитие – разведение домашних животных в меньших масштабах сократило торговлю, сделало сельское хозяйство менее интенсивным и снизило плотность населения (Alsan, 2015).

Еще одно фундаментальное объяснение различий в экономическом росте подчеркивает идею того, что разные общества (или, возможно, различные расы и этнические группы) имеют многообразные культуры из-за отличий в хозяйственных и общественных практиках или разных религий. Культура рассматривается как ключевой фактор, определяющий ценности, предпочтения и убеждения отдельных людей и обществ, и, как утверждается, эти различия играют ключевую роль в формировании экономических показателей. Самая известная интерпретация связи между культурой и экономическим развитием была предложена Дж. Вебером. По его мнению, набор убеждений о мире, присущий протестантизму, имел решающее значение для развития капитализма. Протестантизм как идеология поощряет упорный труд, бережливость, предпринимательскую деятельность¹¹. Вебер противопоставлял эти характеристики протестантизма набору верований других религий. Например, в книге об индийской религии он утверждал, что кастовая система блокировала капиталистическое развитие¹².

Идея о том, как культура может влиять на рост, не ограничивается ролью религии. Часто рассматриваются культурные особенности развития отдельных регионов страны, которые влияют на благосостояние. Так, Р. Патнэм (1993) обращает внимание на формирование в течение десяти столетий на Севере и Юге Италии совершенно различных подходов к проблемам коллективных действий. На Севере структуры

⁸ Монтескье Ш. 2021. *О духе законов*. Москва: Эксмо АСТ. 864 с.

⁹ Маршалл А. 2008. *Основы экономической науки*. Москва: Эксмо. 832 с.

¹⁰ Diamond J.M. 1997. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: W.W. Norton & Co. 480 с.

¹¹ Вебер Дж. 1990. *Протестантская этика и дух капитализма*. Москва: Прогресс. 808 с.

¹² Weber M. 1958. *The Religion of India*. Glencoe: Free Press. 392 p.

гражданской вовлеченности воплотились в гильдии, общества взаимопомощи, профсоюзы, спортивные клубы, кооперативы и даже библиотечные кружки. Эти сильные горизонтальные гражданские связи позволили достичь более высоких показателей экономического развития в сравнении с Югом¹³.

Недавнее исследование (Alesina, Giuliano, Nunn, 2013) объединяет анализ влияния на социальные (в частности, гендерные) и экономические отношения как географических, так и культурных факторов¹⁴.

Расхождение траекторий развития стран с одинаковыми технологиями, предпочтениями и рыночной структурой экономики может быть также следствием случайного везения, или множественности равновесий (Асемоглу, 2018а).

Результаты, представленные в (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001), рисуют другую картину причинно-следственных связей. Утверждается, что не географические условия, среда распространения болезней, религия или культурные особенности стран являются основными движущими силами долгосрочного процветания, а типы институтов. В этом направлении важные исследования, предшествовавшие работам Асемоглу и его соавторов, были проведены: Р. Холлом и Ч. Джонсом (институты и экономическая политика влияют на выпуск на душу населения) (Hall, Jones, 1999)¹⁵; С. Кна-

ком и Ф. Кифером (институты, защищающие права собственности, имеют решающее значение для экономического роста и инвестиций) (Knack, Keefer, 1995); Р. Ла Портом, Ф. Лопес-де-Силанесом, А. Шлейфером, Р. Вишни (рассмотрены правовые (колониальные) детерминанты финансового рынка) (La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, Vishny, 1997)¹⁶; С. Энгерманом и К. Соколоффом (степень обеспеченности факторами производства в колониальный период определила развитие американских стран в постколониальный период) (Engerman, Sokoloff, 1997)¹⁷; Ландесом (Landes, 1998)¹⁸, Д. Нортон, У. Саммерхиллом, В. Барри (бывшие британские колонии процветали

¹⁵ Холл и Джонс показывают, что межстрановые различия в физическом и человеческом капитале лишь частично могут объяснить различия в выпуске на одного работника – обнаруживается большая межстрановая разница в уровне остатка Солоу. Авторы приходят к выводу, что различия в накоплении капитала, производительности и, следовательно, выпуске на одного работника обусловлены различиями в институтах и политике правительства.

¹⁶ Правовые системы, созданные при колониальном правлении, как правило, сохраняются и коррелируют с экономическими результатами сегодня. Используя выборку из 49 стран, Ла Порты и его соавторы показывают, что страны с более слабой защитой инвесторов, определяемой как характером правовых норм, так и качеством их правоприменения, имеют более мелкие и узкие рынки капитала. Эти выводы применимы как к рынкам акций, так и к рынкам долговых обязательств. В частности, страны с французским гражданским правом имеют более слабую защиту инвесторов и менее развитые рынки капитала по сравнению со странами общего права (государствами бывшей Британской империи).

¹⁷ Предложено новое объяснение различиям в темпах экономического роста стран Нового Света в постколониальный период. Энгерман и Соколофф связали эти различия с неравенством между колониями в изначальной обеспеченности факторами производства. Испанские колонии за счет использования труда рабов и большого количества коренных американцев имели преимущества в выращивании сахарного тростника и других культур. Немногочисленные элиты европейского происхождения (метрополия долгое время сдерживала миграцию в колонии своих граждан) удерживали непропорционально большие доли богатства, человеческого капитала и политической власти и устанавливали экономическое и политическое господство над местным населением. Во всеобъемлющем списке колоний Нового Света с похожими характеристиками отсутствовали британские поселения в северной части американского континента, в которых развились другие институты, способствовавшие технологическим изменениям и более высоким темпам роста.

¹⁸ «История показывает, что опека может быть школой. Конечно, многое зависит от учителя. Некоторые имперские нации были лучшими правителями, чем другие, и их колонии преуспели после обретения независимости. Этот критерий поставил бы испанцев и португальцев в худшее, голландцев и французов – в не столь плохое, а британцев – в лучшее положение из-за их готовности и способности инвестировать в инфраструктуру (например, железные дороги в Индии)...».

¹³ К аналогичным выводам приходит Э. Бэнфилд. Он связывает бедность Южной Италии с недостаточным уровнем генерализованного межличностного доверия (южане доверяют только ближайшим родственникам). Бэнфилд Э. 2019. *Моральные основы отсталого общества*. Москва: Новое издательство. 216 с.

¹⁴ Утверждается, что большую часть культурных различий в отношении к женскому труду вне дома, включая получение женщинами руководящих должностей или их участие в политической деятельности, можно объяснить доиндустриальными сельскохозяйственными практиками. В местах с пахотным (а не подсечно-огневым или мотыжным) земледелием из-за физической сложности этого труда мужчины, как правило, работали в полях, а женщины – дома. И в современной экономике эти первоначальные нормы сохранились, создавая гендерно-дифференцированное разделение труда. И далее авторы рассматривают влияние географического фактора на производительность и структуру сельского хозяйства. Плуг с большей вероятностью был принят там, где климат подходил для выращивания «положительных к плугу» культур, таких как ячмень, пшеница и рожь, по сравнению с регионами, где климат подходил для выращивания «отрицательных к плугу» культур, таких как сорго и просо.

по сравнению с бывшими французскими, испанскими и португальскими колониями из-за хороших экономических и политических институтов и унаследованных от Британии культурных традиций) (North, Summerhill, Barry, 2000)¹⁹.

Итак, обсервационные исследования показывают, что институты имеют значение. Но нужны надежные оценки влияния институтов на экономические показатели. Изучение данной взаимосвязи серьезно осложнено эндогенным характером институтов – они целенаправленно выбираются для достижения определенных экономических результатов. В этом случае возникает сложность установления направления предполагаемой причинно-следственной связи – вполне возможно, что не институты определяют благосостояние, а богатые экономики выбирают для себя лучшие институты²⁰. Вероятно, что ненаблюдаемые факторы одновременно могут воздействовать и на институты, и на доход на душу населения. Чтобы оценить влияние институтов на экономические показатели, нужен «источник экзогенных вариаций в институтах». И в работе (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001)²¹ предложено решение этой проблемы.

Колониальный период как квазиэксперимент²². Исследования колониальных

истоков²³, определивших последующее развитие многих стран, основывается у Асемоглу и его соавторов на трех предпосылках:

Во-первых, существовали различные типы политики колонизации, с которыми связано создание разных наборов институтов. С одной стороны, европейские страны внедряли в колониях экстрактивные институты, базирующиеся на репрессиях и рабстве (в качестве примера – бельгийская колонизация Конго). Эти институты не обеспечивали достаточной защиты собственности и не создавали систему сдержек и противовесов экстрактивному государству. Главной функцией последнего стало изъятие как можно большего количества ресурсов в пользу элиты метрополии. С другой стороны, на отдельных территориях (основные примеры – колонизация Великобританией Австралии, Новой Зеландии, Северной Америки) внедрялись инклюзивные институты. Особое внимание уделялось защите собственности и созданию системы сдержек расширению роли государства.

Во-вторых, различные стратегии колонизации были обусловлены комфортностью создания новых поселений. Асемоглу и его соавторы выдвинули гипотезу, что европей-

¹⁹ «Британские колонисты обладали значительными политическими и экономическими свободами. После обретения независимости политические интересы заставили их стремиться сохранить свою систему политической, экономической и религиозной свободы...». Напротив, испанские колонисты столкнулись со значительными ограничениями своей политической и экономической свободы из-за постколониального политического порядка, созданного по примеру испанской имперской системы централизованного управления. Незащищенность собственности и рынков, наблюдавшаяся в течение двух столетий и сохраняющаяся сегодня, препятствует экономическому росту.

²⁰ Теория модернизации, предложенная М. Липсетом в 1959 г., указывает именно на такую взаимосвязь: «...демократия соотносится с состоянием экономического развития. Чем зажиточнее страна, чем выше ее благосостояние, тем больше шансов, что в ней будет поддерживаться демократия». Процесс модернизации, включающий экономический рост, расширение образования и структурные изменения, является движущей силой институциональных изменений (Липсет, 2016).

²¹ Данная работа в рейтинге RePEc/IDEAS по количеству цитирований входит в ТОП-50 исследовательских статей по экономическим наукам за все годы. URL: <https://ideas.repec.org/top/top.item.nbcites.html>

²² Дж. Ангрис называет естественные эксперименты квазиэкспериментами, рассматривая эти понятия как синонимы. Однако некоторые авторы считают целесообразным разделять их. Важнейшим отличием квазиэкспериментов от естественных является неслучайность распределения участни-

ков между сравниваемыми группами, часто обусловленная политическими решениями. Квазиэксперименты полезны для доказательства причинно-следственных связей, однако требуют дополнительных обоснований и исследований. См. подробнее (Воробьев, Кравченко, Майборода, 2021). Д. Кантони и Н. Юхтман выделяют три основных мотива для изучения исторических естественных экспериментов: эксперименты для понимания истории; эксперименты для проверки историческими фактами экономических теорий; эксперименты для понимания современных результатов на основе изучения прошлого (Cantoni, Yuchtman, 2020).

²³ Эпоха колониализма началась около 1500 г., после открытия в 1488 г. европейцами морского пути вокруг южного побережья Африки в Индию и открытия Америки в 1492 г. Сроки и продолжительность колонизации имеют значительные региональные различия. В Латинской Америке и Карибском бассейне большинство стран были колонизированы Испанией и Португалией до 1600 г. и стали свободными в XIX в. В колонизации Северной Америки преуспели Франция и Великобритания (1607–1783 гг.). В Южной и Восточной Азии и Тихоокеанском регионе колонизация началась в XVII в., при этом большинство стран обрели независимость между 1945 и началом 1960-х гг. На Ближнем Востоке и в Северной Африке колонизация происходила в середине XIX в., и страны в этих регионах стали самостоятельными в 1930–1950 гг. В странах Африки к югу от Сахары колонизация началась в конце XIX в., а деколонизация произошла в 1950–1960 гг. Данные по конкретным странам можно найти в работе (Becker, 2019).

цы в большей степени селились на территориях, где болезни не были распространены и уровень смертности являлся относительно низким. Они приносили туда собственные ценности и убеждения и развивали экономические и политические институты, схожие с домашними. В регионах, где смертность была высокой из-за таких болезней, как малярия и желтая лихорадка, европейцы не селились в значительных количествах, и там была высока вероятность формирования экстрактивных институтов с целью извлечения местных ресурсов.

В-третьих, многие характеристики колониальных институтов сохранялись даже после обретения независимости, и такая устойчивость влияет на современные экономические показатели (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001).

Асемоглу и соавторы использовали показатель смертности европейских поселенцев²⁴ на новых землях в качестве инструментальной переменной для оценки влияния внедренных колонизаторами институтов на современные институты и текущий ВВП на душу населения в этих странах. При этом уровень смертности поселенцев определял внедряемые в период колонизации институты, но не мог быть фактором значительного воздействия на современный ВВП в бывших колониях, поскольку коренное население в период колонизации обладало иммунитетом от местных болезней и показатель смертности среди него был намного ниже²⁵. Схематично данный подход можно показать следующим образом: условия жизни во время

колонизации (потенциальная смертность поселенцев) → размер европейских поселений во время колонизации → колониальные институты → современные институты → современный уровень производительности и благосостояния (Там же).

Асемоглу и его соавторы представили аналитические данные о влиянии смертности поселенцев на звенья этой причинно-следственной цепи. Например, они обнаружили, что увеличение смертности поселенцев на стандартное отклонение сократило долю европейских поселенцев в населении бывших колоний в 1900 г. на 12 п. п. и уменьшило там число ограничений для исполнительной власти на 39% относительно среднего значения (что порождает ослабление контроля за произволом элит и ухудшает институты). Их эконометрический анализ также показал, что существует сильная отрицательная долгосрочная связь между смертностью поселенцев и современным экономическим процветанием. Регионы, в которых первые европейские колонисты столкнулись с высокими показателями смертности, сегодня значительно беднее регионов, в которых среда обитания была для европейцев более здоровой. Увеличение логарифма смертности поселенцев на стандартное отклонение снижает ВВП на душу населения в 1995 г. (с поправкой на покупательную способность) на 47% (Там же).

Эффект смертности поселенцев воздействует на современное благосостояние через колониальные институты, принесенные европейцами. Ссылаясь на работу (Corlin, O'Leary, Sealy, 1991), Асемоглу, Джонсон и Робинсон в качестве показателя современного институционального качества использовали индекс защиты от риска экспроприации²⁶ 1985–1995 годов. Этот индекс измеряет различия в институтах, происходящих из разных типов государств и экономической политики. Между показателем институционального качества и смертностью поселенцев

²⁴ Данные о показателях смертности европейских солдат, моряков и священников, находившихся в колониях между XVII и XIX вв., задокументированы. По ним можно судить и о показателях смертности европейских поселенцев. Последние знали о повышенной смертности в колониях от болезней, но не обладали навыками их лечения (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001).

²⁵ Ежегодные показатели смертности местных жителей, служивших в британской армии в Бенгалии и Мадрасе, составляли соответственно 11 и 13 на 1000. Эти данные сопоставимы с ежегодными показателями смертности в британских войсках, располагавшихся в Великобритании (15 на 1000). Напротив, показатели смертности британских военнослужащих в Бенгалии и Мадрасе из-за отсутствия иммунитета были намного выше (от 70 до 170 на 1000). Гипотеза, что бремя болезней для коренных народов не было столь тяжелым, подтверждается относительно высокой плотностью населения в этих местах до прибытия европейцев (Там же).

Более того, Асемоглу и Джонсон установили, что снижение прогнозируемой смертности и рост продолжительности жизни с 1940-х гг. оказывает слабое влияние на ВВП на

душу населения. Это подвергает сомнению утверждение о том, что неблагоприятные условия проживания являются основной причиной бедности некоторых стран (Acemoglu, Johnson, 2007).

²⁶ Утверждалось, что ограничение на государственную экспроприацию входит в кластер взаимосвязанных институтов, включая независимую судебную систему, обеспечение соблюдения прав собственности, гражданских свобод, равного доступа к образованию, и измеряется через индекс защиты от риска экспроприации (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001).

установлена устойчивая связь – в бывших колониях, где европейцы столкнулись с более высокими показателями смертности, институциональное качество сегодня значительно ниже. Построенная авторами линия регрессии показала, что современное институциональное качество падает на 0,36 стандартного отклонения в ответ на увеличение логарифма смертности поселенцев на стандартное отклонение (Там же).

Кроме того, Асемоглу и его соавторы показали, что их основные выводы являются устойчивыми с учетом широты, континента, идентичности колониальной власти, правового происхождения и религии.

Важным компонентом, определяющим стратегию колонизации, была численность местного населения. Во-первых, в местах с многочисленным местным населением колонизаторы сталкивались с большим сопротивлением, что увеличивало смертность среди поселенцев и отрицательно повлияло на миграцию европейцев. Во-вторых, регионы с большим местным населением были процветающими (богатыми на ресурсы). Соответственно, колонизаторы использовали институты, позволяющие им эксплуатировать коренное население и захватывать как можно больше ресурсов – например, золота, серебра, сахара (Там же).

«Поворот судьбы» («*Reversal of Fortune*»). Теория Асемоглу, Джонсона и Робинсона о колониальном происхождении институтов предсказывает «переломный момент». В регионах, которые процветали до колонизации, т. е. в густонаселенных и развитых, в интересах европейцев было создание экстрактивных экономических институтов, что в будущем неизбежно привело к падению их относительного благосостояния. В сравнительно бедных и менее густонаселенных регионах, где европейцы могли легко поселиться, в их интересах было введение инклюзивных экономических институтов, которые обеспечили рост благосостояния большинства населения в долгосрочной перспективе²⁷.

²⁷ Например, моголы в Индии, а также ацтеки и инки в Америке были одними из самых богатых цивилизаций в 1500 г., в то время как цивилизации в Северной Америке, Новой Зеландии и Австралии являлись менее развитыми. Сегодня Соединенные Штаты, Канада, Новая Зеландия и Австралия на порядок богаче стран, которые располагают

ВВП на душу населения к концу XX в. соотносится с двумя косвенными показателями экономического процветания в 1500 г. в странах, колонизированных европейскими державами, – урбанизацией и плотностью населения²⁸. Страны, которые были сравнительно богатыми в 1500 г., теперь относительно бедны. Увеличение урбанизации на 5 п. п. в 1500 г. (изменение распределения урбанизации на одно стандартное отклонение) связано с сокращением ВВП на душу населения через пять столетий на треть. Аналогичным образом, увеличение логарифма плотности населения на одно стандартное отклонение в 1500 г. связано со снижением современного ВВП на душу населения на 44% (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002). Другими словами, регионы, которые показывали большее процветание до колониального правления, теперь имеют относительно более низкие уровни благосостояния²⁹.

Асемоглу и соавторы также выдвинули дополнительные доказательства связи «поворота» с европейской колонизацией. Во-первых, он не был общей тенденцией в мире после 1500 г.; в частности, нет никаких доказательств «поворота» в странах, не подвергшихся колонизации. Во-вторых, нет свидетельств «поворота» в течение 500 лет до появления колониализма: регионы (в том числе впоследствии колонизированные), которые были богатыми около 1000 г., имели тенденцию быть богатыми и в 1500 г., и наоборот.

ся на территориях империй моголов, ацтеков и инков (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002).

²⁸ Сопоставимых для многих стран показателей дохода на душу населения для XVI в. не существовало. Я. де Врис и П. Байрох показали, что только районы с высокой производительностью сельского хозяйства и развитой транспортной сетью могли поддерживать большое городское население. Опираясь на эти исследования, Асемоглу и его соавторы использовали показатели урбанизации и плотности населения в качестве косвенных показателей экономического процветания в 1500 г. (Там же). Асемоглу отмечает, что урбанизация является хорошей аппроксимирующей переменной для среднего уровня дохода и неплохо соотносится с показателем ВВП на душу населения, с помощью которого измеряется уровень дохода сейчас. Плотность населения, тесно связанная с урбанизацией, является еще одной переменной, подходящей для аппроксимации уровня дохода в доиндустриальную эру (Асемоглу, 2018а).

²⁹ Это не предполагает, что коренные жители малонаселенных районов, где наблюдался долгосрочный рост благосостояния, тоже стали процветающими – значительная часть коренного населения в этих регионах не пережила эпоху европейского колониализма (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002).

Более того, авторы предоставили несколько дополнительных доказательств, чтобы подкрепить аргумент о том, что «поворот» связан с колониальным опытом. Выявленные связи сохраняются даже после учета различных факторов, которые в более ранних исследованиях связывались с различиями между странами в долгосрочном развитии, включая религию, расстояние от экватора, температуру, влажность, доступность ресурсов, отсутствие у страны выхода к морю и т. п. Результаты устойчивы к исключению «новых европейских» стран (Австралия, Канада, Новая Зеландия и США) из регрессий, что важно, если кто-то считает, что эти страны представляют собой особые случаи (Там же).

Итак, тип институтов, внедренных колонизаторами, является ключевым механизмом «поворота». Во-первых, европейская колонизация определила инверсию институтов в том смысле, что изначально густонаселенные и богатые территории получили «худшие» институты, а бедные и редконаселенные – институты, в большей степени поощряющие экономический рост (Асемоглу, 2018а).

Во-вторых, время «поворота» совпало с началом британской промышленной революции, что усилило значение инклюзивных экономических институтов. В то время как общества с экстрактивными институтами могли использовать доступные сельскохозяйственные технологии относительно эффективно, распространение промышленных технологий требовало инвестиций от широких слоев общества – мелких землевладельцев, среднего класса и предпринимателей. Таким образом, эпоха промышленности, начавшаяся с конца XVIII – начала XIX в., создала значительное преимущество для обществ с инклюзивными институтами. Эти общества гораздо лучше воспользовались возможностями индустриализации (Асемоглу, Johnson, Robinson 2002).

Доказательства причинно-следственной связи между институтами и процветанием, представленные Асемоглу и его соавторами, подвергаются критике по двум основным направлениям. Во-первых, эта связь установлена с использованием метода инструментальных переменных. Но IV-оценка требует «ограничения исключения», т. е. доказательства того, что воздействие показателя смертности

среди первых европейских поселенцев на современный ВВП на душу населения проявляется только через влияние этого показателя на институциональное качество. Но Э. Глезер, Р. Ла Порта, Ф. Лопес-де-Силанес и А. Шлейфер указали, что с этим имеются проблемы. Мигранты принесли с собой не только институты, но и самих себя. Вместе с поселенцами пришли их убеждения (культура) и ценности относительно свободы, равенства, их представления о роли правительства. Данное возражение не является серьезной проблемой, поскольку ценности и убеждения поселенцев были решающими факторами, определившими характер созданных ими институтов. Более серьезной проблемой, связанной с «ограничением исключения», является то, что поселенцы принесли с собой свои знания и человеческий капитал, и эти факторы оказали прямое влияние на долгосрочное процветание. Результаты эконометрических исследований показывают, что, во-первых, человеческий капитал является более важным источником роста, чем институты; во-вторых, бедные страны выходят из нищеты с помощью хорошей политики, часто проводимой недемократическими правительствами; в-третьих, рост и накопление человеческого капитала приводят к институциональному улучшению (Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, 2004). Но Асемоглу, Гальего и Робинсон считают более убедительной следующую связь – там, где поселились европейцы, они также создали институты, которые поддерживали образование для значительной части населения (Асемоглу, Gallego, Robinson, 2014). Но вопрос о том, оказывает ли человеческий капитал независимое влияние (не через институты) на экономический рост, остается открытым.

Во-вторых, подвергается сомнению надежность данных о смертности европейских поселенцев в XVIII–XIX вв., которые отрывочны и дают грубые оценки. В комментарии Д. Албуи отмечаются две проблемы, снижающие надежность и сопоставимость показателей смертности европейских поселенцев, которые используются Асемоглу и его соавторами. Первая связана с ненадежностью данных по Латинской Америке и некоторых данных по Африке (из 64 стран в выборке 36 странам из-за отсутствия данных авторами

исследования присвоены показатели тех стран, которые имели схожую среду заболеваний). Вторая заключается в том, что показатели смертности поступили не от фактических европейских поселенцев, а от европейских солдат в XIX в. При этом смешивается информация из мирного времени и эпизодов военных кампаний (Albouy, 2012). Асемоглу и его соавторы считают критику Албуи необоснованной. Основные результаты останутся неизменными, даже если исключить африканские страны, которые явились предметом большей части спора. Ограниченные эффекты выбросов высокой смертности не влияют на основные результаты, более того, увеличивает их устойчивость (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2012).

Развитие концепции «исторической устойчивости». Работы (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001; 2002) положили начало литературе об исторических детерминантах современного экономического процветания³⁰. В последние десятилетия растет объем исследований, которые пытаются понять современные проблемы, связанные с глобальной бедностью, через историческую перспективу. Эти исследования раскрывают пределы исторической устойчивости и механизмы, посредством которых первоначальные факторы сохраняются с течением времени³¹. Большое внимание уделяется влиянию конкретных институтов на экономическое развитие, поиску причинно-следственных связей с использованием количественных методик.

А. Банерджи (нобелевский лауреат 2019 г.) и Л. Айер (Banerjee, Iyer, 2005) исследовали влияние земельных институтов, внедренных британскими колонизаторами, на производительность в отдельных регио-

нах Индии после обретения страной независимости³². Л. Айер в другом исследовании рассматривает воздействие качества управления в колониальный период на постколониальные результаты (Iyer, 2010)³³. Н. Дженнайоли и И. Райнер изучали влияние различий между этническими группами в политической централизации в доколониальные времена на современное благосостояние (Gennaioli, Rainer, 2007)³⁴.

³² Британские власти ввели в различных районах Индии две земельно-налоговые системы: *райятвари*, при которой права пожизненного наследуемого владения на землю получили крестьяне и мелкие феодалы (земледельцы), и *заминдари*, при которой земля оставалась под контролем крупных феодалов (землевладельцев) из числа наследственной знати. Данный выбор часто был случаен или определен политическими предпочтениями британских колониальных чиновников. Возникшие исторические различия в институтах прав собственности (и системах сбора земельного налога) обусловили устойчивые различия в современных экономических результатах отдельных регионов страны. Области, получившие в свое время первую систему, в период после обретения независимости показывали более высокую производительность (например, средняя урожайность пшеницы была здесь на 23% выше), имели более значительные инвестиции в здравоохранение и образование (детская смертность была в этих областях на 40% ниже). Анализ учитывал широкий спектр географических различий – для исследования выбирались граничащие друг с другом регионы с различными системами. Таким образом, созданные британцами более 150 лет назад различия в сборе земельного налога продолжают оказывать разнонаправленное влияние на современное экономическое благосостояние регионов (несмотря на то, что заминдари был ликвидирован в Индии в 1950-х гг.).

³³ В этом исследовании Л. Айер сравнивает современные экономические результаты в районах Индии, которые находились под прямым или косвенным британским колониальным правлением. Регионы, испытывавшие прямое правление, имеют более низкие уровни развития образования, медицины, транспортной инфраструктуры в постколониальный период. Главной проблемой в таком сравнении была проблема отбора. Она решена автором благодаря уникальной особенности британской политики аннексии в Индии в период с 1848 по 1856 г. (на основе «доктрины прекращения полномочий» генерал-губернатора лорда Далхаузи): насильственному присоединению подлежали местные территории, где правитель умирал без естественного наследника. Последний фактор вряд ли мог оказать прямое влияние на результаты в постколониальный период, что позволило использовать смерть без естественного наследника в качестве инструментальной переменной.

³⁴ Дженнайоли и Райнер показали, что более централизованные доколониальные политические институты в африканских странах ограничивали власть местных элит и позволяли колониальным и постколониальным африканским правительствам лучше реализовывать программы модернизации в сельских районах. Важность доколониальных институтов была определена слабостью национальных государств в колониальный и постколониальный периоды и сложностью распространения правительственной власти на сельские районы. В областях, населенных централизованными этническими группами, существование опыта доколониальной иерархии вождей делало местных вождей податливыми к подчинению традиционной власти более высокого уровня, что позволило колониальным и постколониальным правительствам обеспечить более высокие уровни развития образования, здравоохранения и инфраструктуры в этих районах.

³⁰ К настоящему времени существует несколько обзоров этой литературы: Nunn, 2020; Cantoni, Yuchtman, 2020; Voth, 2021; Abad, Maurer, 2021; Cirone, Pepinsky, 2022; Blackwell, Sen, 2023; Voth H.-J. 2021. Persistence: Myth and Mystery. The Handbook of Historical Economics. London: Elsevier. PP. 243–267. DOI: 10.2139/ssrn.3729382; Nunn N. 2014. Historical Development. Handbook of Economic Growth. Vol. 2. PP. 347–402. DOI: 10.1016/B978-0-444-53538-2.00007-1 URL: https://scholar.harvard.edu/files/nunn/files/nunn_handbook_growth_v3_0.pdf

³¹ Как отмечает К. Голдин (нобелевский лауреат 2023 г.), прошлое всегда с нами в виде законов, институтов, норм, ожиданий и даже людей с их предрассудками и стереотипами. И только неприсвоенные люди могут игнорировать роль истории в лучшем понимании процессов, происходящих в современной экономике (Goldin, 1995).

С. Михалопулос и Э. Папайоанну рассмотрели социально-экономические последствия искусственного дизайна границ во время «борьбы за Африку» (Michalopoulos, Papaioannou, 2016)³⁵. Н. Нанн задокументировал долгосрочные негативные последствия работорговли (Nunn, 2008; Nunn, Wantchekon, 2011)³⁶. М. Делл исследовала долгосрочные эффекты *миты* – системы принудительного труда в испанских колониях (Dell, 2010)³⁷.

³⁵ Результатом такого дизайна явилось разделение нескольких этнических групп по различным африканским государствам. Влияние такого раздела на политическое, социальное и экономическое развитие рассматривается на данных, охватывающих 834 этнических района по всей Африке. Авторы обнаружили, что разделенные этнические группы по сравнению с племенами, которые не были напрямую затронуты неправильным дизайном границы, пережили больше эпизодов гражданских войн (более продолжительных и смертоносных). Используя спутниковые данные о плотности света ночью для оценки экономического развития различных регионов, авторы показали, что разделение этнических групп отрицательно коррелирует с яркостью. «Борьба за Африку», приведшая к разделению этнических групп по разным странам, обусловила многочисленные гражданские конфликты и низкие темпы роста.

³⁶ Нанн использовал данные из судовых записей и исторических документов об этнической принадлежности 110 тыс. рабов из более чем 300 различных этнических групп, чтобы оценить количество рабов, вывезенных из каждой страны во время работорговли в Африке. Была установлена прочная отрицательная связь между количеством рабов, вывезенных из конкретной страны, и ее современными экономическими показателями. Африканские страны, которые сегодня являются самыми бедными, – это те страны, из которых было вывезено больше всего рабов. Этот вывод нельзя считать убедительным доказательством того, что именно работорговля вызвала различия в последующем экономическом развитии. Альтернативное объяснение, которое столь же правдоподобно, заключается в том, что страны, которые изначально были наименее экономически и социально развитыми, стали объектом работорговли, и они продолжают оставаться наиболее бедными и сегодня. Для доказательства причинно-следственного эффекта работорговли на последующее экономическое развитие Нанн использует инструментальные переменные – расстояния плавания от каждой африканской страны до ближайших мест спроса на рабский труд во время трансатлантической, индоокеанской, красноморской и транссахарской работорговли с 1400 по 1900 г.

³⁷ В этом исследовании используется разрыв регрессии для изучения долгосрочных последствий миты – обширной системы принудительного труда в серебряных и ртутных шахтах, действовавшей в Перу и Боливии с 1573 по 1812 г. В рамках этой системы 200 местных общин должны были предоставлять седьмую часть взрослого мужского населения для работы в шахтах. Современный эффект миты заключается в снижении потребления домашних хозяйств примерно на 25% и увеличении распространенности задержки роста у детей примерно на 6 п. п. в территориальных границах использования этой системы. Влияние миты сохранилось через ее воздействие на землевладение и предоставление общественных благ: районы миты исторически имели меньше крупных землевладельцев (асенд) и более низкий уровень образования. Сегодня эти районы менее интегрированы в дорожные сети, и их жители значительно чаще являются фермерами, ведущими натуральное хозяйство.

Дж. Фейрер и Б. Сасердот с использованием новой базы данных по островам в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах изучили влияние колониального наследия на современные экономические результаты (Feurer, Sacerdote, 2009)³⁸.

Асемоглу и его соавторы в более позднем исследовании показывают, что подъем Европы, начавшийся в XVII в., на самом деле был подъемом стран и городов, которые являлись частью атлантической торговли. Районы, не связанные с торговлей, не испытали такого же экономического роста. Исследование также документирует, как торговля привела к институциональным изменениям, которые еще больше укрепили новый класс торговцев, что положительно повлияло на долгосрочный экономический рост (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005).

Известна также их работа в соавторстве с Кантони о последствиях радикальных институциональных реформ, навязанных извне, на экономический рост в европейских странах, в частности, в Германии. После 1792 г. французские армии оккупировали многие европейские страны и реформировали в них систему институтов. Набор реформ включал введение гражданского кодекса, отмену гильдий и остатков феодализма, введение равенства перед законом и подрыв аристократических привилегий. Из-за разной продолжительности французской оккупации глубина институциональных изменений была регионально дифференцированной, что позволило рассматривать реформы как естественный эк-

³⁸ Авторы утверждают, что особенности процесса колонизации островов обеспечили случайные вариации в продолжительности и типе колониального опыта. Они связали продолжительность колонизации с направлением и силой ветра. Ветровые режимы, которые имели большое значение в парусную эпоху (влияли на то, когда и кто колонизирует тот или иной остров), не оказывают прямого влияния на современный ВВП, но воздействуют на него через историческое влияние на колонизацию. Установлено, что количество лет колониального прошлого положительно связано с ВВП на душу населения и отрицательно – с детской смертностью на островах. Годы под колониальным правлением США и Нидерландов значительно лучше, чем годы под испанским и португальским правлением. Период колонизации после 1700 г. оказался более благоприятным для современного дохода, чем период до 1700 г., что согласуется с изменением характера колониальных отношений с течением времени: в эпоху Просвещения на островах внедрялись лучшие институты, чем в период расцвета испанской колониальной системы энкомьенды.

сперимент. Отмечаются положительные долгосрочные последствия этих реформ, проявившиеся в урбанизации и ускоренном росте (Acemoglu, Cantoni, Johnson, Robinson, 2011).

Асемоглу, Рид и Робинсон обнаружили, что усиление конкуренции между местными вождями в Сьерра-Леоне в колониальный период сопровождается положительными результатами в настоящее время, например, способствует улучшению здоровья и грамотности (Acemoglu, Reed, Robinson, 2014)³⁹.

Методологические проблемы исследований исторической устойчивости. Хотя каждое из упомянутых выше исследований (на самом деле их намного больше) уникально, у них есть общие методологические особенности. Они, как правило, требуют сбора новых данных, обычно из архивных источников, но при этом пытаются выйти за рамки простого документирования корреляций и перейти к выявлению причинно-следственных эффектов с использованием ряда статистических методов (инструментальных переменных, разности разностей, разрыва регрессии, естественных экспериментов). Эти особенности обуславливают и методологические проблемы таких исследований.

Одной из них является точность данных. По определению, все работы по исторической устойчивости опираются на данные, которые действительно сохранились (Abad, Maurer, 2021). Но это – очень специфическая выборка данных, и любое исследование, использующее большой объем исторических фактов, может быть подвержено ошибкам измерения и/или смещению выборки. Обычно проблемы с данными и связанные с ними помехи должны учитываться дизайном исследования: либо при сборе данных, либо при определении структуры выборки, либо при обсуждении стра-

тегии идентификации. Важно также использовать эконометрические подходы, которые учитывают проблему отсутствующих или неверно измеренных данных (Cirone, Spirling, 2021).

М. Келли обращает внимание на технические вопросы обработки данных во многих известных исследованиях исторической устойчивости, в частности, на отсутствие контроля пространственной автокорреляции. Регрессии исторической устойчивости в конечном итоге являются пространственными анализами. Но пространственная природа данных означает, что смежные наблюдения могут зависеть друг от друга. Келли демонстрирует эту проблему, оценивая степень последовательной корреляции в 27 исследованиях исторической устойчивости, опубликованных в ведущих экономических журналах. Он показывает, что, если пространственный шум принять во внимание, результаты многих исследований больше не будут статистически значимыми (Kelly, 2019). Однако Г.-Й. Фот отмечает, что многие из этих исследований используют несколько спецификаций, а результаты более сложных моделей, учитывающих пространственную зависимость, остаются надежными⁴⁰.

Специфической эмпирической проблемой данных исследований является их воспроизводимость (Nunn, 2020). Для историко-экономического анализа повторение того же результата часто не представляется возможным. Однако можно изучить ту же зависимость на примере другого региона мира и/или в другой период времени. Примером такого подхода являются исследования долгосрочных эффектов европейской миссионерской деятельности в различных частях мира и странах (Мексика, Парагвай, Аргентина и Бразилия, Индия, Бенин, Нигерия, Демократическая Республика Конго, Танзания)⁴¹. Сравнение результатов,

³⁹ Самый низкий уровень власти в странах Африки к югу от Сахары представлен группой вождов, которые собирают налоги, контролируют судебную систему и распределяют самый дефицитный ресурс – землю. Вожди являются представителями правящих семей, признанных британскими колониальными властями. В странах с меньшим количеством правящих семей вожди сталкиваются с меньшей конкуренцией и меньшими политическими ограничениями. Авторы показывают, что эти страны имеют значительно худшие результаты развития – в частности, более низкие показатели уровня образования, здоровья детей и несельскохозяйственной занятости.

⁴⁰ Voth H.-J. 2021. Persistence: Myth and Mystery. *The Handbook of Historical Economics*. London: Elsevier. PP. 243–267. DOI: 10.2139/ssrn.3729382

⁴¹ Одной из известных является работа Ф. Кайседо, в которой рассматриваются долгосрочные последствия религиозного образования в колониальный период на формирование человеческого капитала. В 1609 г. орден иезуитов основал религиозные миссии среди группы народов гуарани на территории современных Аргентины, Бразилии и Парагвая. До своего изгнания в 1767 г. миссионеры обучали коренных жителей чтению, письму и различным ремеслам. На основе

полученных с использованием альтернативных источников исторических данных, может подтвердить или подвергнуть сомнению обоснованность первоначальных результатов.

Д. Кантони и Н. Юхтман отмечают, что исследования причинно-следственных связей между историческими событиями и современными результатами (напрямую или через отдельные эндогенные регрессоры в модели инструментальных переменных) затруднены из-за изменяющихся во времени шоков (исторических случайностей) (Cantoni, Yuchtman 2020).

Еще одной проблемой, особенно характерной для данного направления исследований (поскольку имеются сложности с репликацией), является генерирование ложноположительных результатов. В связи с этим, во-первых, анализ должен сопровождаться правдоподобным объяснением полученного результата, описанием тестов надежности первичных выводов; во-вторых, эмпирические результаты важно согласовывать с историческими данными (исследователь обязан обладать глубокими знаниями исторических фактов) (Nunn, 2020).

Существует и крайняя точка зрения, которая поддерживается отдельными историками – сама идея измеримой связи событий в прошлом и современных результатов может быть ошибочной⁴².

Институциональные реформы и институциональная устойчивость

Направления институциональных реформ. С 2000-х годов Асемоглу и его соавторы приступили к более глубоким исследованиям влияния стимулов, ограничений, различий в экономических интересах политических агентов на развитие институтов. Институциональная система любой страны

изучения архивных записей в исследовании установлено, что в районах бывшего присутствия иезуитов (в пределах областей проживания гуарани) уровень образования был выше на 10–15% и остается таким 250 лет спустя (в сравнении с районами, где миссий не было). Жители данных регионов имеют сегодня и сравнительно более высокие доходы (Caicedo, 2019). Аналогичные выводы сделаны и другими исследователями на исторических данных других стран, что повышает обоснованность этих результатов.

⁴² Austin G. 2008. Resources, Techniques, and Strategies South of the Sahara: Revising the Factor Endowments Perspective on African Economic Development, 1500–2000. *Economic History Review*. Vol. 61. No 3. PP. 587–624.

определяется сложной совокупностью как исторически сложившихся условий, так и сознательно принятых решений. Исходя из теории рационального экономического агента (в данном случае – политика), можно предположить, что в долгосрочном периоде политики должны склоняться к выбору инклюзивных политических и экономических институтов, так как именно они обеспечивают экономическое процветание всем группам населения, включая самих политиков. На практике во многих странах поддерживаются институты, замедляющие рост благосостояния, что в ряде случаев можно объяснить рентоориентированным поведением политических элит, пытающихся максимизировать свои выгоды в краткосрочном периоде. Это прежде всего характерно для элит, обладающих одновременно и политической властью *de jure*, и властью *de facto*: когда политические инновации воспринимаются ими как потенциально опасные, тогда они склонны их блокировать, что замедлит экономический прогресс.

Среди ученых, изучающих институциональные реформы в XX в., всегда существовало понимание, что процесс перехода к инклюзивности политических и экономических институтов (как правило, в рамках демократизации) связан со множеством факторов, и установление единственного «главного» не представляется возможным. Кроме того, существуют расхождения относительно того, насколько институциональная трансформация является контролируемым, осознанным процессом, происходящим в результате принятых ключевыми игроками решений. В частности, Асемоглу и его соавторы поддерживают и эмпирически обосновывают гипотезу «критических развилочек», где политические и экономические институциональные изменения связаны с различными решениями всех политических групп, принятыми в важные критические моменты (Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2009). Сами нобелевские лауреаты в разных моделях использовали термин «окно возможностей» для изменений.

Асемоглу и Робинсон подчеркивают, что инклюзивность институтов не гарантирована при демократических режимах. Может возникнуть ситуация «пойманной демократии», когда экономические инсти-

туты остаются экстрактивными. Они рассмотрели такой случай на примере южных штатов США, где до середины XX в. сохранялась экономическая система, в которой рабство сменилось монополией на рынке труда, экономическая политика снижала возможности для социальной мобильности работников (Acemoglu, Robinson, 2008).

Началом новой исследовательской программы послужила статья Асемоглу и Робинсона, в которой рассматривался вопрос выгод от технологического прогресса с точки зрения «победителей» и «проигравших». Вопреки более ранней литературе, которая концентрировалась на анализе экономически проигрывающих от инноваций групп (например, луддиты в период Промышленной революции), авторы предложили модель⁴³, где политически проигрывающие от инноваций группы (рискующие потерять часть политической ренты) будут склонны блокировать невыгодные для них инновации, так как обладают политической властью и возможностями для установления барьеров.

Теория социальных конфликтов. В дальнейшем Асемоглу рассматривает причины, по которым сильная и модифицированная версии политической теоремы Коуза не применимы для анализа институциональных реформ на практике, а теория социальных конфликтов служит хорошей отправной точкой для исследования (Acemoglu, 2003; Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2006).

Политическая теорема Коуза исходит из того, что при правильно определенных правах собственности, отсутствии трансакционных издержек и других условиях не имеет значения, какие группы людей находятся у власти – за счет конкуренции между политиками будут иметь место сильные

стимулы к выбору эффективных институтов, максимизирующих благосостояние потребителей и производителей. Таким образом, существование неэффективных институтов в долгосрочном периоде невозможно, а сами институты не могут объяснять межстрановые различия в развитии, так как всегда эффективны с точки зрения функции общественного благосостояния данной страны.

В модифицированной форме политическая теорема Коуза подразумевает, что задача максимизации будет затруднена тем, что политики не могут заранее предсказать (из-за расхождения во мнениях), какой вектор развития станет наиболее благоприятным для данной страны. В таком случае знания, какие институты окажутся эффективными, будут получены постфактум, после выбора какой-либо из возможных траекторий институциональных реформ. Данная теория не способна объяснить, почему в случае, если выбранный набор институтов не обеспечивает максимизации общественного благосостояния, политические элиты не склонны менять этот набор и запускать институциональную трансформацию.

Существует также подход к анализу институтов, в рамках которого они не являются результатом рационального выбора, а лишь побочным продуктом определенных исторических событий. Однако такой подход является непродуктивным, если мы воспринимаем институционализм не только как описательное направление экономической мысли, но и как нормативную программу, из которой можно извлекать некие «уроки» для будущего планирования институциональных реформ.

Теория социальных конфликтов подразумевает сознательное отклонение политических элит от задачи максимизации общественного благосостояния в сторону эгоистических интересов. Социальный конфликт в виде несовпадения интересов разных групп граждан порождает проблему доверия между элитами и контрэлитами, которая усугубляется в тех случаях, когда нет эффективного механизма принуждения, стимулирующего правящие элиты сдерживать свои предвыборные обещания в последующем

⁴³ В рамках модели имеется один конечный продукт, который может быть произведен монополистом (представляющим интересы политической элиты) или его соперником, где у соперника есть более совершенная технология производства. Монополист может либо ввести налог на продукцию конкурента, тем самым разрешив инновацию, либо заблокировать ее, если политическая рента высока и существует возможность потери этой ренты. С точки зрения авторов, модель объясняет, почему в Великобритании и Германии XIX в. попытки индустриализации и развития железнодорожного сообщения не блокировались землевладельцами, в отличие от Австро-Венгрии и России: политические элиты первых стран были уверены в сохранении своей политической власти и не рассматривали эти инновации как угрозу (Acemoglu, Robinson, 2000a).

периоде⁴⁴. Политические трансформации XIX в., связанные с расширением избирательных прав и демократизацией, могут быть рассмотрены как стратегические решения политических элит разных стран для предотвращения серьезных социальных конфликтов. «Расширение франшизы», то есть предоставление больших политических прав контрэлита, взятие на себя новых обязательств по перераспределению доходов позволили правящим политическим элитам повлиять на будущее политическое равновесие в своих интересах и оставаться у власти⁴⁵ (Acemoglu, Robinson, 2000b).

Асемоглу и Робинсон наиболее детально рассматривают опыт Великобритании (хотя похожие процессы происходили и в Швеции, Франции, Германии), которая в XIX в. трансформировалась из олигархии в демократию, где в 1832, 1867 и 1884 г. происходило расширение избирательных прав на те группы населения, у которых ранее не было никакого политического представительства. За этими политическими реформами следовали существенные изменения в расширении доступности образования, трансформации социальных программ, сопровождаемые ростом прогрессивных ставок налогообложения. Процесс индустриализации изначально приводит к росту неравенства в соответствии с кривой Кузнец⁴⁶, что порождает рост со-

циальных конфликтов, которые стимулируют процессы демократизации. В свою очередь демократизация приводит к падению неравенства в доходах за счет двух ключевых факторов: расширения доли квалифицированных работников и программ перераспределения доходов в пользу бедных слоев населения⁴⁷.

Заслужой нобелевских лауреатов в области развития современной экономической теории является анализ проблемы обещаний и обязательств через призму институционального развития⁴⁸: в более ранних публикациях авторы предложили ряд моделей с одним раундом взаимодействий, а в последующем рассматривали динамические игры с учетом различных факторов (например, отсутствие или наличие возмож-

чала растет, а потом начинает снижаться (Kuznets, 1955). Линдерт предполагал, что кривую Кузнец можно объяснить падением значимости дохода от земли; Уильямсон считал, что технологические изменения увеличили заработную плату по отношению к доходу от капитала; в рамках модели Агиона и Болтона накопление богатства снижает процентную ставку в достаточной степени, чтобы позволить бедным инвестировать и сократить неравенство. Сами Асемоглу и Робинсон находят поддержку своей теории о роли социальных конфликтов в институциональных изменениях в том, что пик уровня неравенства в Великобритании пришелся как раз на время «расширение франшизы» (Acemoglu, Robinson, 2000). Несмотря на споры, насколько кривая Кузнец универсальна для опыта различных стран и наблюдаема в принципе, свежее исследование на примере панельных данных сельских провинций Китая показывает, что можно применять описанную Кузнецом закономерность, причем во многих китайских провинциях еще не достигнут пик роста неравенства в доходах (Zhan, 2016).

⁴⁷ Альтернативное объяснение «расширения франшизы» может быть связано с изменением взглядов и предпочтений элит на более эгалитарные под влиянием, в частности, мыслителей эпохи просвещения. Но в таком случае сложно объяснить, почему политические изменения происходили гораздо позже, чем появились труды о равенстве и были несинхронными в развитых странах Западной Европы. Теории борьбы политических партий между собой за власть и усиления власти среднего класса тоже не находят достаточного подтверждения (Acemoglu, Robinson, 2000).

⁴⁸ Ранее проблема обязательств рассматривалась, например, в контексте монетарной политики, где независимость центрального банка обеспечивает приверженность целям снижения уровня инфляции. В частности, К. Рогофф доказал, что для общества желательнее, чтобы центральный банк всегда придавал больший вес контролю над инфляцией, чем стимулированию занятости и экономического роста, но монетарная политика должна быть достаточно гибкой, чтобы в условиях сильных шоков предложения обеспечить стабилизацию экономической системы (Rogoff, 1985). Обязательства важны и в контексте фискальной политики, когда текущее правительство должно вести себя так, выбирая уровень государственных расходов и заимствований, как если бы оно будет у власти не только в текущем, но и в будущем периоде, чтобы избежать чрезмерного роста долга (Persson, Svensson, 1989).

⁴⁴ В модели Асемоглу представляет последовательность взаимодействий политических элит и частного сектора: сначала заключается контракт (даются обещания), происходит процесс инвестирования и производства, потом элиты определяют величину и тип налогов для частного сектора, который после этого может потреблять оставшийся доход и с определенной вероятностью поддержать или попытаться сменить политиков у власти. Поскольку инвестирование происходит до того, как будут определены налоги, то необходимо заключение контракта на первой стадии, т. е. политические элиты должны взять на себя некие обязательства. Если частный сектор не способен наказать политиков в случае неисполнения обязательств (отсутствие переговорной силы), то будут исполняться лишь «самодостаточные» (очевидные) обязательства и те, которые совпадают с интересами самих элит (Acemoglu, 2003).

⁴⁵ Существуют альтернативные гипотезы, объясняющие, почему «расширение франшизы» элитами может происходить даже в условиях отсутствия явного социального конфликта на примере социальных реформ в Великобритании в конце XIX века. Замена партикуляристских программ (приносящих пользу отдельным представителям самой элиты) инклюзивными (когда выгоды распределяются на широкий круг лиц) позволяет достигать большей эффективности экономической системы, что выгодно всем гражданам и не угрожает власти элиты (Lizzeri, Persico, 2004).

⁴⁶ С. Кузнец на основе эмпирических данных по США, Великобритании и Германии предложил гипотезу, что в процессе экономического развития неравенство в доходах сна-

ности формирования и поддержания обязательств со стороны элит).

Причины устойчивости неэффективных институтов. Институциональная неэффективность оказывает негативное влияние на экономический рост и общественное благосостояние, но помогает политическим элитам максимизировать свою ренту. Неэффективные институты устойчивы, когда элиты, находящиеся у власти, предпочитают неэффективную политику, и когда более эффективные социальные механизмы не могут быть применены. Асемоглу выделяет следующие возможные формы неэффективности институтов: присвоение доходов элитами (на эффективных производителей налагаются непропорционально высокие налоги, которые влияют на стимулы, в результате чего объем производства и применяемые технологии не соответствуют оптимальным); манипулирование ценами на факторы производства (производители-элиты имеют монопольный доступ к более дешевым ресурсам и получают большую прибыль); политическая консолидация элит (когда они опасаются роста экономической власти эффективных производителей и тормозят этот рост путем установления более высоких налоговых ставок)⁴⁹.

С течением времени и изменением внешних условий хозяйствования прежняя институциональная система может перестать соответствовать новым требованиям и вызовам. Предыдущий набор институтов позволял производителям из числа элиты быть относительно более эффективными, чем другим производителям. В рамках технологического прогресса элиты могут потерять это преимущество, что делает текущий набор политических институтов «неподходящим» для дальнейшего экономического прогресса, создает давление и стимулы к переменам. Даже в этом случае неэффективные институты

могут сохраняться: чем больше политическая рента, получаемая элитами, тем меньше вероятность институциональной трансформации, которую бы элиты поддержали, так как это угрожает их возможностям максимизировать свои доходы.

Стимулы к изменениям и устойчивость политических институтов связаны также со степенью неравенства в доходах и волатильностью фискальной политики, как показывает эмпирический анализ институциональных трансформаций во многих странах Латинской Америки в XX в. Неустойчивость институциональной системы может усиливаться синхронно с определенной фазой экономического цикла: как бедным, так и богатым гражданам выгоднее инициировать социальный конфликт с элитами во время спада, когда альтернативные издержки, связанные с другими вариантами деятельности, низки (Acemoglu, Robinson, 2001). Следует отметить, что частые изменения в политических институтах могут сопровождаться сохранением ключевых характеристик прежних экономических институтов. Власть *de facto* необходима для определения экономической политики и распределения экономических ресурсов, но она не зависит от институтов; скорее, ею обладают определенные группы в результате их богатства, возможности применения насилия или способности решать проблему коллективных действий. Изменения в политических институтах, которые влияют на распределение власти *de jure*, не обязательно приводят к изменению в равновесных экономических институтах. В ряде случаев изменения в распределении политической власти *de facto* частично или даже полностью компенсируют изменения власти *de jure*, вызванные реформами в определенных политических институтах⁵⁰. То есть наблюдается инвариантность (относительная независи-

⁴⁹ Различия в причинах неэффективности институтов могут объяснять, в каких случаях будет блокироваться принятие новых технологий. Если источником неэффективности является присвоение доходов, то элите выгодно поощрять принятие наиболее производительных технологий, чтобы еще больше увеличить свои доходы. Когда источником неэффективности является манипулирование ценами на факторы производства или политическая консолидация, то элита может захотеть заблокировать внедрение эффективных технологий, так как рассматривают их как угрозу своей политической власти (Acemoglu, 2006).

⁵⁰ В модели рассматривается баланс сил между землевладельцами (элитами) и работниками. Предметом спора выступает уровень заработных плат – является ли он равновесным или принудительно поддерживается ниже равновесного уровня землевладельцами. В модели предполагается, что землевладельцы по умолчанию имеют больше политической власти *de facto*, так как они малочисленны и имеют больше ресурсов. Это позволяет землевладельцам эффективнее решать проблему организации коллективных действий и лучше контролировать безбилетников. Политическая власть *de jure* может принадлежать как землевладельцам, так и работникам, что влияет на итоговое равновесие и вероятность институциональных реформ (Acemoglu, Robinson, 2008).

мость) экономических институтов относительно политических: из-за инвестиций элит в обладание власти *de facto* не имеет принципиального значения, какой политический режим установился в стране в текущий период. Парадоксальный вывод из моделирования политических равновесий заключается в том, что при определенных условиях большее изначальное демократическое преимущество для граждан может привести к большему доминированию элиты в политике. Это происходит потому, что преимущество граждан создает будущие издержки для элиты, побуждая ее инвестировать больше, чтобы увеличить фактическую власть *de facto* и избежать этих будущих издержек. Однако, когда демократические институты «достаточно сильны», характер равновесия качественно меняется, и может произойти полноценный переход к устойчивой демократии. Кроме того, институты в демократиях могут быть даже более неэффективны, чем в недемократических режимах, так как много ресурсов, контролируемых элитами, уходит на удержание ими своей власти.

Эмпирическая проверка гипотез и их критика. Доступ к межстрановым базам данных и развитие статистических методов исследований позволили подвергнуть ряд утверждений Асемоглу и его соавторов эмпирической проверке. На основе анализа данных по 175 странам⁵¹ за период 1960–2010 гг. авторам удалось подтвердить, что процесс демократизации способствует экономическому росту⁵². Эффект воздействия статистически значим и значителен по размеру: в долгосрочном периоде переход к демократии позволил достичь на 20% боль-

шего уровня ВВП на душу населения по сравнению со странами, где не было такого перехода. Результат не зависел от начального уровня экономического развития, но был более значительным в странах с более высоким уровнем среднего образования. Каналы воздействия на экономический рост включают в себя: увеличение уровня инвестиций; поощрение экономических реформ; расширение доступности и повышение качества школьного образования и здравоохранения и др. (Acemoglu, Naidu, Restrepo, Robinson, 2019).

Есть и противоположный взгляд на роль демократии в экономическом развитии. Впечатляющий экономический рост Китая, закат «арабской весны» и политический сдвиг вправо в Европе и США в последние десятилетия усиливают мнение о том, что демократические институты в лучшем случае не имеют значения, а в худшем – могут стать препятствием для экономического роста. Этот подход имеет поддержку и в академических кругах. Р. Барро отмечает, что увеличение политических прав не оказывает влияния на экономический рост (Barro, 1997). В другом своем исследовании, на основе анализа данных 100 стран с 1960 по 1990 г., он показывает, что реальный ВВП на душу населения более тесно связан с уровнем начального образования, продолжительностью жизни, величиной государственного потребления и верховенством закона, чем с уровнем политической свободы (которую он отождествляет с демократией) (Barro, 1996). Дж. Джерринг, Ф. Бонд, У. Барндт, К. Морено подчеркивают значимость долгосрочных институтов, но приходят к выводу, что либо нет никакого эффекта, либо есть негативное влияние демократии на экономический рост в долгосрочной перспективе. Они утверждают, что демократия как немедленное лекарство для роста не результативна, поскольку институты развиваются на протяжении столетий. Эмпирические данные, приводимые Джеррингом и соавторами, свидетельствуют о том, что инвестиции в демократию, хотя косвенно и увеличивают защиту прав собственности, не обеспечивают более высокую отдачу ресурсов по сравнению с автократиями. Вместо этого обнаруживается, что страны с историческими демократиями имеют более высокий

⁵¹ В 1960 г. 31,5% стран в выборке были демократиями, к 2010 г. эта группа увеличилась до 64,1%, что показывает беспрецедентное распространение демократии. Исследованы 122 процесса демократизации и 71 случай возврата от демократии к недемократическому режиму.

⁵² Асемоглу и соавторы подчеркивают, что существуют определенные проблемы с выявлением причинно-следственной связи демократизации и экономического роста, что приводило к неопределенным и противоречивым результатам в более ранних работах на эту тему. Им пришлось разработать новые показатели и применить три разных исследовательских подхода для обоснования своих результатов. Перепроверка, проведенная М. Эберхартом, показала, что полученные результаты устойчивы даже при применении других статистических методов, но выявленный им эффект оказался в два раза ниже и составил 10% роста ВВП на душу населения в долгосрочном периоде в результате перехода страны к демократии (Eberhardt, 2019).

уровень неравенства, включая распределение физического, человеческого и социального капитала⁵³.

В.В. Арсланов подвергает критике работы Асемоглу, Джонсона и Робинсона, особенно (Аджемоглу, Робинсон, 2015), на основании следующих тезисов⁵⁴: представлена монокаузальная, упрощенная картина экономического развития; кейс технологического превосходства древнего Китая плохо объясняется через экстрактивные институты того времени; вызывают сомнения их интерпретации развития древних культур, о которых осталось мало сведений; историческая связь между политической централизацией, ее факторами и возникновением экстрактивных институтов не раскрыта; недостаточно обосновано, что в условиях экстрактивных институтов (доминировавших на протяжении большей части человеческой истории) невозможен устойчивый рост и отсутствуют стимулы к инновациям; не раскрыты парадокс негативного влияния богатства (в том числе и как последствие «ресурсного проклятия» колонизации) на политические институты в богатых странах и причины неустойчивости инклюзивных институтов; только от внутренней логики развития стран зависит, добьются они успеха в модернизации или нет.

* * *

Большие и устойчивые различия в доходах между странами, несовместимые с базовой моделью экономического роста, стимулировали научный поиск причин этого феномена. Хотя институты давно рассматривались как фактор повышения благосостояния, лишь нобелевским лауреатам 2024 г. удалось предложить убедительное объяснение причинно-следственной связи между институтами и процветанием. Они значительно продвинулись в понимании того, когда и почему меняются политичес-

кие и экономические институты, что определяет институциональную устойчивость.

Асемоглу, Джонсон, Робинсон стали пионерами новой литературы по историческим детерминантам⁵⁵ современного институционального качества, производительности, инноваций и роста, рассматривая опыт европейского колониализма как «естественный эксперимент», моделируя политические процессы как динамические игры между группами с различными интересами и уровнем власти. Сегодня страны не могут изменить свое прошлое, которое через институциональное качество влияет на настоящее. Но более глубокое понимание того, как прошлое влияет на богатство и бедность в современном мире, может направить политические вмешательства в сторону более эффективных «рычагов богатства» (Мокир, 2014).

Исследования нобелевских лауреатов носят позитивный характер, однако их выводы имеют существенные политические последствия. Стратегия международных организаций на поддержку инклюзивных институтов в развивающихся странах хорошо согласуется с такими целями, как борьба с бедностью и содействие экономическому развитию. Так, в 2021 году Всемирный банк принял «Программу глобального управления», в которой отмечается, что «создание эффективных, ответственных и инклюзивных институтов лежит в основе успеха в области развития и стратегии Всемирного банка по достижению двойной цели – искоренению крайней нищеты и повышению всеобщего благосостояния»⁵⁶.

⁵³ Gerring J., Bond P., Barndt W., Moreno C. 2005. Democracy and Economic Growth: A Historical Perspective. *World Politics*. Vol. 57. Iss. 3. PP. 323–364. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0002>. В статье представлен краткий обзор работ политологов и экономистов, которые придерживаются такой же точки зрения.

⁵⁴ Арсланов В.В. 2016. *География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона*. Москва: Институт экономики РАН. 56 с.

⁵⁵ Нобелевский комитет неоднократно обращал внимание на исследования с исторической составляющей, в которых: экономическая методология применяется к изучению далеких времен и мест (экономический империализм Р. Фогеля и Д. Норта превратил экономическую историю в отдельную область экономической науки – клиометрику); экономические теории проверяются с помощью исторических фактов (К. Голд, Д. Кард, Д. Ангрис, Г. Имбенс, А. Банерджи, Э. Дюфло, М. Кремер); рассмотрение событий, состоявшихся в далеком прошлом, в качестве причин современных экономических результатов (Асемоглу, Джонсон, Робинсон). Еще целый ряд лауреатов премии памяти Альфреда Нобеля в области экономических наук в своих работах изучали и использовали историю – С. Кузнец, М. Фридман, Дж. Хикс, У. Льюис, Т. Шульц, А. Дитон, Б. Бернанке и др.

⁵⁶ Global Governance Program. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/bc4d7580e7ed8bb430153cea939663cb-0060052021/original/ggp-program-doc-v4.pdf>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
(REFERENCES)

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.** 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: Издательство АСТ. 575 с. [Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: Izdatel'stvo AST. 575 p. (In Russ.)]
- Асемоглу Д.** 2018а. *Введение в теорию современного экономического роста*. Книга 1. Москва: Издательский дом «Дело». 930 с. [Acemoglu D. 2018. *Introduction to modern economic growth*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo». 930 p. (in Russ.)]
- Асемоглу Д.** 2018б. *Введение в теорию современного экономического роста*. Книга 2. Москва: Издательский дом «Дело». 738 с. [Acemoglu D. 2018. *Introduction to modern economic growth*. Vol. 2. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo». 738 p. (in Russ.)]
- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.** 2006. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста. *ЭКОВЕСТ*. Т. 5. № 1. С. 4–43; № 2. С. 180–247. [Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. 2006. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. *EKOVEST*. Vol. 5. No 1. PP. 4–43; No 2. PP. 180–247. (In Russ.)]
- Воробьев В.А., Кравченко А.А., Майборода Т.Л.** 2021. Что и как взаимосвязано в экономике? Поиск ответов через естественные эксперименты. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 4–26. [Vorobiev V., Krauchanka A., Maibarada T. 2021. How Economic Variables are Related? Search for Answers Through Natural Experiments. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 4. PP. 4–26. (In Russ.)] DOI: 10.46782/1818-4510-2021-4-4-26
- Липсет М.** 2016. *Политический человек: социальные основания политики*. Москва: Мысль. 612 с. [Lihset M. 2016. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Moscow: Mysl'. 612 p. (In Russ.)]
- Мокир Дж.** 2014. *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс*. Москва: Издательство Института Гайдара. 504 с. [Mokyr J. 2014. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 504 p. (In Russ.)]
- Норт Д. К.** 1993. Институты и экономический рост: историческое введение. *THESIS*. Т. 1. Вып. 2. С. 69–91. [North D. C. 1993. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *THESIS*. Vol. 1. Iss. 2. PP. 69–91. (In Russ.)]
- Норт Д.К.** 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала». 180 с. [North D.C. 1997. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala». 180 p. (In Russ.)]
- Патнэм Р.** 1993. *Чтобы демократия работала. Гражданские традиции в современной Италии*. Москва: Ad Marginem. 288 с. [Putnam R. 1993. *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. Moscow: Ad Marginem. 288 p. (In Russ.)]
- Абад Л., Маурер Н.** 2021. History Never Really Says Goodbye: A Critical Review of the Persistence Literature. *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No 1. PP. 31–68. DOI: 10.1561/115.00000002
- Асемоглу Д.** 2003. Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. Iss. 4. PP. 620–652. DOI: 10.1016/J.JCE.2003.09.003
- Асемоглу Д.** 2006. Modeling Inefficient Institutions. *Advances in Economics and Econometrics Theory and Applications. Ninth World Congress*. PP. 341–380. DOI: 10.3386/w11940
- Асемоглу Д., Кантони Д., Джонсон С., Робинсон Дж.А.** 2011. The Consequences of Radical Reform: The French Revolution. *American Economic Review*. Vol. 101. No 7. PP. 3286–3307. DOI: 10.1257/aer.101.7.3286
- Асемоглу Д., Галлего Ф.А., Робинсон Дж.А.** 2014. Institutions, Human Capital, and Development. *Annual Review of Economics*. Vol. 6. Iss. 1. PP. 875–912. DOI: 10.1146/annurev-economics-080213-041119
- Асемоглу Д., Джонсон С.** 2007. Disease and Development: The Effect of Life Expectancy on Economic Growth. *Journal of Political Economy*. Vol. 115. No 6. PP. 925–985. DOI: 10.1086/529000
- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.** 2001. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*. Vol. 91. No 5. PP. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369
- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.** 2002. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. No 4. PP. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025
- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.А.** 2005. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *American Economic Review*. Vol. 95. No 3. PP. 546–579. DOI: 10.1257/0002828054201305
- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.А.** 2012. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation: Reply. *American Economic Review*. Vol. 102. No 6. PP. 3077–3110. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369
- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.А., Яред П.** 2009. Reevaluating the Modernization

Hypothesis. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 56. No 8. PP. 1043–1058.

Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J.A. 2019. Democracy Does Cause Growth. *Journal of Political Economy*. Vol. 127. No 1. PP. 47–100. DOI: 10.1086/700936

Acemoglu D., Reed T., Robinson J.A. 2014. Chiefs: Elite Control of Civil Society and Economic Development in Sierra Leone. *Journal of Political Economy*. Vol. 122. PP. 319–368. DOI: 10.1086/674988

Acemoglu D., Robinson J.A. 2000a. Political Losers as a Barrier to Economic Development. *American Economic Review*. Vol. 90. No 2. PP. 126–130. DOI: 10.1257/aer.90.2.126

Acemoglu D., Robinson J.A. 2000b. Why Did the West Extend the Franchise? Democracy, Inequality, and Growth in Historical Perspective. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. Iss. 4. PP. 1167–1199. DOI: 10.1162/003355300555042

Acemoglu D., Robinson J.A. 2001. A Theory of Political Transitions. *American Economic Review*. Vol. 91. No 4. PP. 938–963. DOI: 10.1257/aer.91.4.938.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2008. Persistence of Power, Elites, and Institutions. *American Economic Review*. Vol. 98. No 1. PP. 267–293. DOI: 10.3386/w12108

Albouy D. 2012. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation: Comment. *American Economic Review*. Vol. 102. No 6. PP. 3059–3076. DOI: 10.1257/aer.102.6.3059

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. 2013. On the Origins of Gender Roles: Women and the Plough. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 128. No 2. PP. 469–530. DOI: 10.1093/qje/qjt005

Alsan M. 2015. The Effect of the TseTse Fly on African Development. *American Economic Review*. Vol. 105. No 1. PP. 382–410. DOI: 10.1257/aer.20130604

Banerjee A., Iyer L. 2005. History, Institutions, and Economic Performance: The Legacy of Colonial Land Tenure Systems in India. *American Economic Review*. Vol. 95. No 4. PP. 1190–1213. DOI: 10.1257/0002828054825574

Barro R.J. 1996. Democracy and Growth. *Journal of Economic Growth*. Vol. 1. Iss. 1. PP. 1–27. DOI: 10.1007/BF00163340

Barro R.J. 1997. *Getting It Right: Markets and Choices in a Free Society*. Cambridge, MA: MIT Press. 191 p.

Baumol W. 1986. Productivity Growth, Convergence, and Welfare: What the Long-Run Data Show. *American Economic Review*. Vol. 76. No 5. PP. 1072–1085.

Becker B. 2019. Introducing COLDAT: The Colonial Dates Dataset. *SOCIUM SFB 1342 Working Papers/2/2019*. DOI: 10.31219/osf.io/apvqm

Bloom D.E., Sachs J. 1998. Geography, Demography, and Economic Growth in Africa. *Brookings Papers on Economic Activity*. Vol. 29. Iss. 2. PP. 207–296. DOI: 10.2307/2534695

Caicedo F.V. 2019. The Mission: Economic Persistence, Human Capital Transmission and Culture in South America. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 134. No 1. PP. 507–556. DOI: 10.1093/qje/qjy024

Cantoni D., Yuchtman N. 2020. Historical natural experiments: bridging economics and economic history. *NBER Working Papers 26754*. DOI 10.3386/w26754

Cirone A., Pepinsky T.B. 2022. Historical Persistence. *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. PP. 241–259. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051120-104325

Cirone A., Spirling A. 2021. Turning History into Data: Data Collection, Measurement, and Inference in HPE. *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No 1. PP. 127–154. DOI: 10.1561/115.000000005

Coplin W.D., O’Leary M.K., Sealy T. 1991. *A Business Guide to Political Risk for International Decisions*. New York: Political Risk Services. 72 p.

Dell M. 2010. The Persistent Effects of Peru’s Mining Mita. *Econometrica*. Vol. 78. No 6. PP. 1863–1903. DOI: 10.3982/ECTA8121

Eberhardt M. 2019. Democracy Does Cause Growth: Comment. *CEPR Discussion Paper No DP13659*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3372858>

Engerman S., Sokoloff K. 1997. Factor Endowments: Institutions, and Differential Paths of Growth Among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States. *NBER Historical Working Papers*. No 66. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/h0066/h0066.pdf

Feyrer J., Sacerdote B. 2009. Colonialism and Modern Income: Islands as Natural Experiments. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 91. No 2. PP. 245–262. DOI: 10.3386/w12546

Gennaioli N., Rainer I. 2007. The Modern Impact of Precolonial Centralization in Africa. *Journal of Economic Growth*. Vol. 12. Iss. 3. PP. 185–234. DOI: 10.2139/ssrn.848164

Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. 2004. Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*. Vol. 9. Iss. 3. PP. 271–303. DOI: 10.2139/ssrn.556370

Goldin C. 1995. Cliometrics and the Nobel. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No 2. PP. 191–208. DOI: 10.1257/jep.9.2.191

- Hall R., Jones C.** 1999. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others? *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 114. No 1. PP. 83–116. DOI: 10.1162/003355399555954
- Iyer L.** 2010. Direct versus Indirect Colonial Rule in India: Long-Term Consequences. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 92. No 4. PP. 693–713. DOI: 10.1162/REST_a_00023
- Kelly M.** 2019. The Standard Errors of Persistence. *CEPR Discussion Papers 13783*. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/198589/1/WP2019_13.pdf
- Knack S., Keefer P.** 1995. Institutions and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Institutional Measures. *Economics and Politics*. Vol. 7. No 3. PP. 207–227. DOI: 10.1111/j.1468-0343.1995.tb00111.x
- Kuznets S.** 1955. Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*. Vol. 45. No 1. PP. 1–28.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.** 1997. Legal Determinants of External Finance. *Journal of Finance*. Vol. 52. No 3. PP. 1131–1150. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb02727.x
- Landes D.** 1998. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some are So Rich and Some So Poor*. New York: W.W. Norton & Co. 658 p.
- Lipset S.M.** 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*. Vol. 53. Iss. 1. PP. 69–105. DOI: 10.2307/1951731
- Lizzeri A., Persico N.** 2004. Why did the Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, with an Application to Britain's «Age of Reform». *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 119. Iss. 2. PP. 707–765. DOI: 10.1162/0033553041382175
- Michalopoulos S., Papaioannou E.** 2016. The Long-Run Effects of the Scramble for Africa. *American Economic Review*. Vol. 106. No 7. PP. 1802–1848. DOI: 10.1257/aer.20131311
- North D., Thomas R.** 1973. *The Rise of the Western World. A New Economic History*. New York, NY: Cambridge University Press. 180 p.
- North D., Summerhill W., Barry W.** 2000. Order, Disorder, and Economic Change: Latin America vs. North America. *Governing for Prosperity*. Yale University Press. 54 p. URL: <https://www.hacer.org/pdf/North00.pdf>
- Nunn N.** 2008. The Long-Term Effects of Africa's Slave Trades. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 123. Iss. 1. PP. 139–176. DOI: 10.1162/qjec.2008.123.1.139
- Nunn N.** 2020. The Historical Roots of Economic Development. *Science*. Vol. 367. Iss. 1441. DOI: 10.1126/science.aaz9986
- Nunn N., Wantchekon L.** 2011. The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa. *American Economic Review*. Vol. 101. No 7. PP. 3221–3252. DOI: 10.1257/aer.101.7.3221
- Persson T., Svensson E.O.** 1989. Why a Stubborn Conservative would Run a Deficit: Policy with Time- Inconsistent Preferences. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 104. No 2. PP. 325–345. DOI: 10.2307/2937850
- Pomeranz K.** 2021. *The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy*. Princeton Univ. Press. 404 p.
- Rogoff K.** 1985. The Optimal Degree of Commitment to an Intermediate Monetary Target. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 100. Iss. 4. PP. 1169–1190. DOI: 10.2307/1885679
- Sachs J.D.** 2001. Tropical underdevelopment. *NBER Working Paper No 8119*. 38 p. DOI: 10.3386/w8119
- Zhan J.** 2016. Is There a Kuznets Curve in China's Rural Area? – An Empirical Analysis on Provincial Panel Data. *Modern Economy*. Vol. 7. No 4. PP. 391–398. DOI: 10.4236/me.2016.74042

INCLUSIVITY OF INSTITUTIONS AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT ACCELERATION

Victor Vorobiev¹ (<https://orcid.org/0000-0001-8285-7304>),

Tatiana Maibarada¹ (<https://orcid.org/0000-0002-9589-8620>)

¹ Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Victor Vorobiev (vorobiev_v@bseu.by).

ABSTRACT. This paper presents the contribution of D. Acemoglu, S. Johnson, and J. Robinson to uncovering the fundamental role of different types of political and economic institutions in explaining large and relatively persistent differences in economic development across countries. Combining empirical, quasi-experimental, and game-based approaches, the laureates show which political forces, incentives, and mechanisms determine the prosperity of some countries and the poverty of others. Their theoretical research reveals the complexity of reforming extractive institutions and the processes that can facilitate this.

KEYWORDS: political power, political institutions, economic institutions, extractive institutions, inclusive institutions, economic development, historical persistence, institutional stability, institutional reforms, Coase's political theorem, social conflict theory.

JEL-code: B00, B52, D02, D72, N01, O10, P14.

DOI: 10.46782/1818-4510-2025-1-31-52

Received 16.11.2024

In citation: Vorobiev V., Maibarada T. 2025. Inclusivity of Institutions as a Factor of Economic Development Acceleration. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 1. PP. 31–52. DOI: 10.46782/1818-4510-2025-1-31-52 (In Russ.)

